

ГУСЬКОВА Е. Ю.*

РОМАНОВЫ – ПЕТРОВИЧИ: ПРИМЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАГМАТИЗМА

В российской историографии развитие связей между Россией и Черногорией рассматривалось как с точки зрения общественно-политического и культурного сотрудничества, так и с аспекта развития идеологических систем и программ славянофильства, панславизма, отношения русских общественно-политических деятелей, мыслителей, писателей. Когда мы смотрим на эпоху становления и развития отношений между Черногорией и Россией с высоты сегодняшнего дня, то видим, что они часто принимают искаженный облик, несут в себе черты мифа. Так, чувства черногорцев к русским до сих пор полны романтизма, преувеличенной нежности и благодарности. В России после десятилетнего кризиса на Балканах патриоты все чаще как заклинание повторяют тезис о многовековой дружбе, которую Россия предала, в то время как официальные политики вообще балканское направление не считают важным для современных международных отношений. Поэтому естественным становится обращение к истории отношений на государственном уровне, которые в прошлые века поддерживались династическими связями. В связи с этим попытаемся ответить на вопрос, *как складывались отношения* между двумя царствующими фамилиями Романовых и Негошей, на чем они основывались – на бескорыстии русского царя, защищавшего народ единой веры, языка, формирующей общей культуры, или же на стремлении России использовать Черногорию в своих внешнеполитических целях? Обратимся к периоду формирования отношений.

Начало установления отношений между Россией и Черногорией на межгосударственном уровне относят к началу 18 в., к Петровской эпохе, связывают с Грамотой Петра I 1711 г., в которой он призвал черногорцев подняться на восстание против Турции. В 1838 г. российскому Государю императору на стол легла «Краткая хронологическая таблица исторических прои-

* Доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва.

сшествий Черногории с 1389 по 1820 г.»,¹ из которой явствует, что до Петра Великого связей на государственном уровне не существовало.

Этот период очень важен для понимания начала формирования отношений. Поставим вопрос – что стало для России мотивацией укрепления связей, которые заложили основу долгосрочных отношений – бескорыстная поддержка православия, помощь в борьбе за свободу или особый интерес, связанный с осуществлением внешнеполитических целей на восточном направлении?

В документах Коллегии иностранных дел России от 15 июня 1758 г. отмечается, что грамота 1711 г. писана Петром Великим черногорцам «дабы они по христианству и единоверию против турок в войну вступили» и тем самым помогли русскому царю. Именно поэтому «тогда черногорцы в войну против турок и вступили».² Черногория стояла перед выбором – стать подданной Турции или принять помощь России, понадеяться на ее защиту. По словам доктора Р. Распоповича, осенью 1710 г. создались и благоприятные внутренние отношения – Данила Шчепчевич Петрович победил «исламизированных сународника» и создал условия для сближения с православной Россией. *Выбор черногорцев в пользу России был сделан.* «Черногорцы под предводительством своего митрополита Даниила Петровича Негуша начали войну с турками на своих границах».³ Однако черногорцы дорого заплатили за этот выбор. В 1712 г. Султан Ахмет III послал на Черногорию 60-тысячное войско, а в 1714 г. турки под началом Нуман паши численностью 120 тыс. штыков напали на Черногорию. В 1715 г. митрополит Даниил приехал в Петербург и рассказал, что султан прислал в провинцию свои войска, «многих порубили», многих в рабство увезли, пожгли монастыри и церкви. Россия биа щедра, она тоже платила обещанное – митрополиту было выдано денег на расплату его долгов, на созидание церквей и монастырей, на раздачу народу. Привез митрополит в Черногорию и грамоту с благодарностью и похвалой за военную помощь. Кроме того, черногорцам было обещано, что царь не оставит их впредь и за верную службу наградит.

С этого времени наблюдается расширение русско-черногорских контактов. В 1743 г. в Петербург приезжал митрополит Сава, получивший 4500 рублей, в 1753 г. – архиерей Василий Петрович. Василий уже расширяет число просьб – кроме материального награждения и «пожалования ма-

¹ Краткая хронологическая таблица исторических происшествий Черногории с 1389 по 1820 г.// Черногорско-русские отношения с 1711 по 1918 г. – Подгорица / М., 1992. – Кн. 1. – С. 204-208.

² Выписка о черногорцах из Записки Коллегии иностранных дел России // Там же, с. 43.

³ Краткая хронологическая таблица..., с. 205.

терии» появляется прошение о защите от турок, об открытии в Черногории «славянских малых школ», о выезде черногорских вельмож с семьями в Россию.⁴ Россия благосклонно обещала защиту от Турции, так что начало покровительства России можно датировать серединой 18 в. Через пять лет Василий вновь приезжает в Россию и просит принять Черногорию в российское подданство, а из офицеров-черногорцев создать в России полк. Естественно, что просьба о подданстве не могла быть рассмотрена, а вопрос о ежегодном «пенсione» в 15 тыс. рублей был решен. В этот момент черногорцы обращали внимание российских властей на то, что *без постоянной материальной поддержки* Россией войска Черногории последняя не сможет защищаться и выстоять, и «со временем пропадет и сделается подданным турецким, а при том и от христианства отступит».⁵

С середины 18 в. царское правительство начинает посыпать в Черногорию своих представителей (Пучков, подпоручик Михайла Тарасов). Это было время взаимного знакомства. Русские дивятся черногорским обычаям, отсутствию государственности, отсутствию власти у митрополита. Так, Тарасов отмечает, что среди черногорцев лишь небольшое число «доброжелательных и усердных к России». Эти качества проявляются только тогда, когда получают подарки и деньги, подчеркивает он.⁶

Использовала черногорцев и Екатерина Великая. В 1769 г. императрица Екатерина II во время войны с Турцией «прислала Черногорцам грамоту, вызывая их напасть на пограничных им турок, что и было черногорцами исполнено».⁷ То же повторилось и в 1788 г.

Нельзя сказать, что Россия была *безальтернативным выбором* Черногории. В конце 18 в. за свое влияние в Черногории активно боролась Вена – австрийских монарх также посылал знаки своего расположения, грамоты, порох, свинец и своих представителей. Одни должны были склонить Черногорию на свою сторону, другие снять план Черногории и составить подобное описание земель, показав «в чем может она быть полезна австрийскому двору».⁸ Венский кабинет, по донесениям российских дипломатов, склонял Черногорию присягнуть на верность Австрии и даже «присоединить Черногорию к Австрийской империи».⁹ В 1797 и в 1798 г. за черногорские дела ходатайствовал в Петербурге Н. Черноевич-Давыдович. Он писал

⁴ Выписка о черногорцах из Записки..., с. 45.

⁵ Там же, с. 47.

⁶ Примечание, учиненное Севского полку подпоручиком Михаилом Тарасовым во время бытности его в Черной Горе 1766 г. // Черногорско-русские отношения..., с. 64.

⁷ Краткая хронологическая таблица..., с. 207.

⁸ Донесения С. А. Санковского // Черногорско-русские отношения..., с. 81.

⁹ Там же, с. 85, 86.

по прибытии в Петербург о старании германских начальников склонить черногорцев на свою сторону против России.¹⁰

Имела свои виды на Черногорию и Франция. Известно, что аббату Дольчи удавалось настроить Негоша в пользу Франции. В конце 18 – начале 19 в. в связи с русскофранцузским противоборством в Восточном Средиземноморье и наполеоновскими войнами Россия активизирует свою политику в Черногории. Павел I на обращение черногорского митрополита в 1798 и 1799 гг. подтверждал «покровительство» России черногорскому народу, обещал помощь в защите от внешних врагов и возобновление ежегодных субсидий на «общенародные надобности» в 1 тыс. червонцев.

Смотрели черногорцы и на Италию. Митрополит Петр I Петрович Негош писал в 1803 г., что бедность и голод заставляли черногорцев пытаться просить у итальянского короля землю для поселения 300 черногорских семейств. Однако митрополит успел удержать их от этого шага.¹¹

Почему же у других стран не получилось склонить Черногорию к постоянной дружбе и сотрудничеству? Как отмечали в России, потому, что «народ черногорский непоколебим в своей неограниченной преданности к высочайшему нашему двору».¹² Россия смотрела на Черногорию как на страну, где «одна и та же религия и почти одинаковый язык всегда обеспечивали России многочисленных сторонников».¹³ Российский двор верил, что выбор Черногории был добровольным. Министр иностранных дел России А. А. Чарторыйский писал, что черногорский народ «добровольно бросился в ее /России/ объятия».¹⁴ Что же лежало в основе постоянного внимания к Черногории, покровительства, которое становилось постоянным и традиционным? Документы показывают, что император и его министры прежде всего говорили о вере и родстве этническом, упоминая: «единоверие и единоплеменство», «единый закон, единый язык, единое происхождение, столь долготелная дружба».¹⁵ Александр I называл это коротко «заветы религии». Однако они становились важным рычагом политики тогда, когда Россия имела вполне конкретные планы в отношении Черногории.

Со стороны Черногории – важную роль играла религия и всесторонняя поддержка России. Как писал Петр I Петрович Негош, для черногорцев

¹⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. – М.: Наука. 1997. С. 11.

¹¹ Там же, с. 16.

¹² Донесения С. А. Санковского..., с. 87.

¹³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 1. – М.: Политиздат, 1960. – С. 500. Далее – ВЛР.

¹⁴ ВЛР, 2, с. 252.

¹⁵ ВЛР, 6, с. 357, 520.

главное в приверженности России – «единоверие», защита христианства.¹⁶ Однако многое значили и материальная, и духовная поддержка.

Александр I после воцарения на престоле стал разрабатывать стратегию внешней политики, заложив в нее такие постулаты, как справедливость, расчет на собственные силы, прагматизм, твердость, уважение независимости других стран. Царь стремился восстановить отношения с Англией и Австрией, заключить мир с Францией, защитить целостность Турции, в слабости которой видел безопасность России. «Один из принципов моей политической системы будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого являются ценной гарантией безопасности», – писал Александр I.¹⁷

В начале 19 в. черногорское, да впрочем и балканское, направление внешней политики не было приоритетным для Санкт-Петербурга. Царь боялся у Турции вызвать ненависть к христианскому имени, которая может обернуться против России. Ему было выгодно иметь в лице Порты соседа, «не дающего никакого повода для жалоб».¹⁸ Поэтому он был против восстания славянских народов на Балканах. Таким подходом к идеологии внешней политики в России закладывалась *двойственность поведения на международной арене* – с одной стороны, заботиться о сохранении приверженности к себе православных балканских народов, обещать им помощь и покровительство, а с другой – не дать им подняться на вооруженное восстание. Александр предполагал «воспрепятствовать тому, чтобы народы, которые постоянно жаждут независимости, смогли бы ее добиться путем, противоречащим интересам России».¹⁹ Россию больше заботил проект союзного договора с Турцией и возобновление русско-турецкого оборонительного союза, хотя и беспокоило снижение влияния России в регионе, утрата прежних связей. Стало беспокоить и усиление влияния Франции в Черногории. По донесениям консула в 1803 г., если французы «пожелают сделать десант к черногорским берегам для дальнейших покушений на Албанию, будут приняты охотно черногорцами».²⁰ В октябре 1803 г. было наконец-то решено послать в Черногорию доверенную особу, генерал-лейтенанта графа Ивелича с целью противодействия французскому влиянию в этой стране. Пытаясь предупредить высадку французского десанта на Адриатическом побережье, министр иностранных дел России А. Р. Воронцов предписывал М. К. Ивеличу объединить силы Герцеговины и Черногории для борьбы с

¹⁶ Политические и культурные отношения России..., с. 16.

¹⁷ ВПР, 1, с. 54.

¹⁸ ВПР, 1, с. 516.

¹⁹ ВПР, 1, с. 516.

²⁰ ВПР, 1, с. 520.

французами.²¹ Таким образом, мотивом для активизации деятельности российской дипломатии в Черногории были в начале века соперничество с Австрией и Францией за влияние на православные народы, а покровительство основывалось на принципах культурного и религиозного родства.

Упомянутая двойственность постоянно присутствовала в политике осторожного Александра I. В минуты, когда покровительство ослабевало, то место «покровителя» стремились занять другие страны. Россия спохватывалась и пыталась восстановить ускользающее доверие черногорцев.

Поддержка России Черногории не всегда была бескорыстной. Россия рассчитывала в случае необходимости использовать черногорское войско в своих военных планах, а заодно и «ободрить наш славяносербский народ».²² Черногорцы много помогали России, отзывались на все ее просьбы. Негош в ответ на предложение России сообщал, что готов выступить в Герцеговину, взять крепость Никшич, что совпадает с чаяниями всего черногорского народа.²³ «Черногорцы помогали адмиралу Сенявину в войне мотиву французов в Боко-ди-Катаро, близ Рагузы и на островах Далматийских».²⁴ При необходимости император напоминал черногорцам об их обязательствах быть преданными только России, использовал их приверженность и зависимость в своих интересах. Например, в вопросе возможного французского присутствия в Черногории в начале 19 в. проявляется попытка «управлять» Черногорией. Министр иностранных дел А. Р. Воронцов пишет 8(20) октября 1803 г. посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому о том, что надо попытаться договориться с митрополитом черногорским, чтобы «славяно-сербские народы» противопоставить ополчению французскому, их «хищническим завоеваниям». Россия хотела «использовать против Франции поддержку симпатизирующего России христианского населения Балканского полуострова».²⁵ А Ивелич должен следить за поступками митрополита, «образовать мнение народное» против французов. Иначе митрополита пригласят в Петербург «для отдачи отчета в деяниях своих», поскольку в своих делах он зависим от Синода Русского.²⁶ Через своего посланника Ивелича Россия пыталась настроить народ черногорский на дружбу только с Россией. Одновременно Россия пыталась осуществлять контроль за процессом развития национально-освободительного движения, проводя политику его сдерживания, исходя из своих собственных внешнеполитических интересов.

²¹ ВПР, 1, с. 584.

²² ВПР, 3, с. 478.

²³ ВПР, 3, с. 728, сноска 309.

²⁴ Краткая хронологическая таблица..., с. 208.

²⁵ ВПР, 3, с. 32.

²⁶ ВПР, 1, с. 531.

Следует подчеркнуть, что планы черногорцев о приобретении независимости шли намного дальше, чем того желала Россия. Однако они не могли проигнорировать Россию, согласившись на ее покровительство. Черногорцы готовы были воевать за свою независимость, но спрашивали разрешения Александра. Черногорцы во главе с митрополитом писали русскому царю в октябре 1805 г. «Правительство во всех важных делах ничего отнюдь не предпримет без ведомства и согласия высочайшего двора российского, а на таковой случай всегда будет приглашен присутствовать в правительстве и на генеральном сейме уполномоченный от высочайшего двора...»²⁷ Ежегодный же расход на содержание правительства и гвардии черногорской должна сносить русская казна в размере 19700 талеров. Ответ же черногорцам был ждать, причем ожидать «с терпением и молчанием», пока Россия сама их не освободит от турок, используя свои дипломатические каналы. Другие же страны были уверены, что Россия подстрекает к восстанию черногорцев.²⁸

Владыка Черногории Петр I Негош играл большую роль в подъеме анти-турецкого движения на Балканах. Известно, что в мае-июне 1809 г. он направлял воззвания к воеводам, кнезам, священникам и жителям Западных областей Балкан с призывом присоединиться к борьбе сербского народа против турок. Однако Россия не дала черногорцам «ни единого патрона».²⁹

В мае 1807 г. митрополит предлагал создать словено-сербское царство в составе Черногории, Боки Которской, Герцеговины, Рагузы и Далмации, управлять которым должен бы был россиянин. Митрополит просил Александра «принять титул словеносербского царя».³⁰ Ответ был лаконичным: «Обстоятельства не позволяют России заняться этим делом».³¹ Петр I Петрович Негош просил о помощи и поддержке, но Александр I был сдержан, не шел против Стамбула и Вены.

После окончания наполеоновских войн и заключения Тильзитского мира (1807 г.), который не оправдал надежд черногорцев, русско-черногорские связи ослабевают. Тем не менее Негош с большой любовью и патетикой писал о России. В 1808 г. он говорил о том, что для него Россия – святыня и «знаменитая слава величайшего народа», что без русских падут и все другие славянские народы, называл русских единоплеменными братьями.³²

В последующие годы отношения были достаточно стабильными. Особенно прочными они становились тогда, когда русский царь включал Черногорию непосредственно в орбиту своих внешнеполитических интересов.

²⁷ Донесения С. А. Санковского..., с. 91.

²⁸ ВПР, 3, с. 706, сноска 201.

²⁹ ВПР, 5, с. 89.

³⁰ ВПР, 3, с. 565.

³¹ ВПР, 3, с. 573.

³² ВПР, 4, с. 603.

Например, в 30-е годы XIX в. Николай I стал придавать Черногории большее значение в соответствии с планом сделать на Балканах свою опорную базу. Увеличились субсидии. Петр II Петрович Негош смог укрепить государственную организацию. Развивалась просветительская деятельность, населению оказывалась помощь в голодные годы. В середине XIX в. у Николая I возникла идея о привлечении балканских народов к вооруженному вытуплению против Порты в ходе надвигавшейся русско-турецкой войны. Периоды же охлаждения были связаны с несовпадением стремления Черногорки к большей самостоятельности, независимости и планов России по этому вопросу в конкретный исторический период.³³

В таких сложных условиях хитросплетений европейской дипломатии, интриг и тяжелой борьбы закладывались основы русского покровительства Черногорки и русскочерногорских государственных связей. В их основе лежала единая вера, именно она цементировала отношения маленькой Черногорки и огромной России, которая представлялась естественным защитником единых по вере и языку племен. Однако сотрудничество было успешным, когда прагматический интерес внешней политики России совпадал с внутренними потребностями Черногорки. В случае же несовпадения этих интересов Черногория пыталась найти другие государства, которые бы ее поддерживали. Россия в свою очередь активизировала свою политику только тогда, когда была заинтересована в конкретных проявлениях союзнических отношений Черногорки. Тогда актуализировалась консульская деятельность, увеличивались субсидии, оказывалась помощь в просвещении.

Рассматривая сюжеты российско-черногорских связей, следует учитывать один внутророссийский фактор. В русском дворе не было единства по многим вопросам. Почти всегда существовала, говоря современным языком, патриотическая партия, и партия более умеренная. Если одни видели долг России в защите единоверцев, не исключая войны с Портой, то другие придерживались умеренного и осторожного курса. К первой группе часто принадлежали военные, генералы, ко второй – чиновники. Между этими группами шла постоянная борьба, иногда тихая, иногда упорная и шумная. Это очень отражалось и на тех, кому покровительство предназначалось, и на формах покровительства.

Говоря о прагматизме внешней политики России, которая лежала в основе активизации ее отношений с Черногорией, нельзя забывать, что дружба-то окрепла на постоянной помощи и поддержке Черногорки. Постоянные государственные субсидии, пенсии, стипендии, единовременные отчисления, помощь книгами, церковной утварью, помощь монастырям и церквям, обучение черногорских детей, прием переселенцев – лишь небольшой перечень того, чем Россия помогала Черногорки. И именно это, а также совместные боевые действия против общего врага навсегда остались в памяти народной.

³³ Письмо Ф. М. Раевского А. Д. Блудовой // Черногорско-русские отношения..., с. 262.

Dr Jelena GUSKOVA

ROMANOV AND PETRUVICHES: THE EXAMPLE OF HISTORICAL FRIENDSHIP
ON BACKGROUND OF THE POLITICAL PRAGMATISM

Summary

In the Russian historiography development of communications (connections) between Russia and Montenegro was considered both from the point of view of political and cultural cooperation, and from aspect of development of ideological systems and programs slavjano-filstva, panslavizma, relations of Russian political figures, thinkers, writers. When we look at epoch of becoming and development of relations between Montenegro and Russia from height of today we see, that they frequently accept the deformed shape, bear in themselves features of a myth. So, feelings Montenegrins to Russian till now are full of the romanticism, the exaggerated tenderness and gratitude. In Russia after ten years' crisis on the Balkan patriots even more often as a spell repeat the thesis about centuries-old friendship which Russia has betraid while official politics in general do not count the Balkan direction important for modern international relations. In the message the author addresses to a history of relations at the state level which the last centuries were supported by dynastic communications. In work attempt to reply as there were relations between two reigning surnames Romanovs and Petroviches on what they were based – on unselfishness of the Russian king protecting people of uniform belief, the language, formed common culture, or on aspiration of Russia to use Montenegro in the foreign purposes is made.

